

о своих встречах с Чеховым, М. Т. Лорис-Меликовым и др. известными людьми. Н.-Д. был почетным председателем Пражского и почетным членом Белградского союзов русских писателей и журналистов.

До революции произведения Н.-Д. активно издавались, книги его вызывали интерес у широкого круга русских читателей. Русская критика много писала о Н.-Д., но отношение к его произведениям было неоднозначным. Увлеченность жизнью в самых разных ее проявлениях, предельная активность позиции писателя, стремление рассказать читателю об исторических событиях, происходящих в России и в мире, оставались неизменными в его долгом творческом пути. 6 июня 1929 Прага отмечала День русской культуры, от имени русской культуры речь держал Н.-Д. Справедливо мн. писатели Русского зарубежья называли его своим старейшиной. Несмотря на то что Н.-Д. не делал больших худож. открытий, в русской лит-ре он остается писателем последовательной патриотической и гуманистической позиции.

Соч.: СС: в 3 т. / сост., вступ. статья Ю. Сенчурава. М., 1996; Избранные произведения: в 2 т. Нальчик, 1998; Святые горы: Очерки и впечатления / послесл. Н. И. Зайцева; комм. В. Н. Дедова. Донецк, 1990; Скобелев. Личные воспоминания В. И. Немировича-Данченко. М., 1993; Из воспоминаний Немировича-Данченко о Некрасове / публ. С. Макашина // ЛН. Т. 49–50. М., 1946; Рыцарь на час (Из воспоминаний о Гумилеве) // Гумилев в воспоминаниях современников. М., 1990; Мужская обитель. М., 1998.

Лит.: Вильчинский В. Е. «Песни о павших» Немировича-Данченко // Некрасовский сб. Вып. 4. Л., 1967; Рабинович Я. Б., Семенов В. Л. Немирович-Данченко и его книга «Кама и Урал» // Ученые записки Пермского гос. ун-та. 1976. Вып. 348; Сапронова Н. Василий Иванович Немирович-Данченко. Годы эмиграции // Вопр. истории славян. Вып. 11. Воронеж, 1996.

А. И. Филатова

НЕСМЕЛОВ (настоящая фамилия Митропольский) Арсений Иванович [8(20).6.1889, Москва — сент.(?)1945, Гродеково близ Владивостока] — поэт, прозаик, публицист.

Родился в семье статского советника, увлекавшегося к тому же лит-рой. Об обстановке в доме Митропольских дают некоторое представление автобиографические рассказы «**Маршалл Свистунов**» и «**Второй Московский**» — о кадетском корпусе, где учился будущий писатель.

Первую мировую войну А. И. Митропольский прошел от прапорщика до поручи-

А. И. Несмелов

ка в рядах 11-го гренадерского Фанаторийского полка. За боевые заслуги был награжден четырьмя орденами. После ранения оказался в октябрьские события 1917 в Москве, где принял участие в боях на стороне юнкеров. В 1918 уехал из Москвы в Омск. Там примкнул к Белому движению. Вместе с армией Колчака оказался в буферной Дальневосточной республике, где до 1922 не было советской власти. Здесь он познакомился с Н. Асеевым, С. Третьяковым, В. Арсеньевым.

В своей скупой биографии Н. писал, что во Владивостоке он «издал первую книгу стихов („**Стихи**“ — 1922, затем, в том же году, поэма „**Тихвин**“ и в 1924 — книжка стихов „**Уступы**“). До этого, еще в Москве, издал маленькую книжечку рассказов военных („**Военные странички: стихи и рассказы**“ — 1914). Печататься начал в „Ниве“, в 1912–1913 годах, кажется».

С падением Дальневосточной республики писатель попадает под неусыпный надзор ГПУ и бежит окружными путями в Маньчжурию, в Харбин. Некоторое время его печатает советский ж. «Сибирские огни», он сотрудничает в советской харбинской газ. «Дальневосточная трибуна». Но в 1927 положение резко меняется.

Всю жизнь писателю приходилось заниматься лит. поденщиной. В самых различных изд. Харбина появляются материалы, подпи-

санные псевдонимами Гри, Н. Арсеньев, Анастигмат, Н. Дозоров, С. Трельский, Н. Рахманов и даже «Тетя Розга». Однако наиболее зрелые свои вещи писатель неизменно подписывает псевдонимом Несмелов, взятым в память о друге-офицере, убитом в бою под Тюменью.

Под этим именем выходят его стихи в пражской «Воле России», в парижских «Совр. записках», его проза — в парижско-шанхайских «Русских записках». Один за другим выходят сб. стихов «**Кровавый отблеск**» (1928), «**Без России**» (1931), «**Полустанок**» (1938), «**Белая флотилия**» (1942), книга прозы «**Рассказы о войне**» (1936). Н. чувствовал приближение грозных испытаний для всего мира и для России.

Арестованный в 1945 в Харбине после прихода туда советских войск поэт умер в сент. того же года на полу тюремной камеры в Гродково. До последних дней Н. сохранял чувство собственного достоинства, бодрость духа, пытался ободрять сокамерников, развлекал их воспоминаниями и анекдотами.

Будучи сам человеком цельным и духовно сильным, Н. вносил эти черты в свою поэзию и прозу, в чем был продолжателем традиций высокочтимого им Н. Гумилева. От Гумилева идет и приверженность поэта к сюжетным стихам, балладам, интерес к звукописи, чеканным ритмам.

Ключевым образом всей поэзии Н., видимо, можно назвать слово «воля». Не случайно именно такое название носит стих., открывающее книгу стихов «Уступы». «Я пружины стальное терпенье. / Видишь, волею сжаты уста», — говорит он в стих. «**В скрипке**». Метафорой воли становятся и «**Гребные гонки**» с чередующимися анафорами «раз», «два» и торжеством воли в финале.

«Мужество вносит» лирического героя Н. «в простор лучезарно-глубинный» («**Уезжающий в Африку или...**»). И даже видя свою гибель, герой Н. «на любую готов игру», т. к. знает, что «доверен руке отважной / Драгоценнейший тайный груз».

Герои стихов Н. — «люди каменного побережья» — «**Партизаны**», «**Анархисты**», «**Разведчики**», разбойники, мечтающие «о чем-то сказочном и небывалом» («**Тайфун**»). «Играя в смерть, ходил в атаку» китайский бандит («**Хунгуз**»).

Особое место среди любимых персонажей поэта занимают офицеры («**Леонид Ещин**», «**Броневик**» и др.).

Среди аксессуаров, окружающих героев поэзии Н., «черные винчестера», браунинги, револьверы, вебли, требующие от владельцев мастерства и ловкости.

Такой же, как и у героев, непокорной душой, наделенной роковыми глубинами, видит поэт и Россию («**В сочельник**»). У него нет обиды на родину («**Переходя границу**», «**О России**»).

Вместе с тем поэт не может не видеть, что романтика уходит из жизни, сменяется скучной повседневностью («**Броневик**»).

«В ломбарде» оказываются не только словные ордена, о которых автор пренебрежительно скажет: «Твоих отличий никому не жаль, / Бездарное, последнее дворянство», но и орден воинской доблести — Георгиевский крест, и «браунинг, забытый меж игрушек».

Меняются и люди. «Все меньше нас, от-важных и беспутных», — с горечью замечает поэт в стих. «**Восемнадцатому году**». На антитезе построена «**Встреча вторая**»: «Василий Васильич Казанцев... / Усищев протуберанцы, / Кожанка и цейс на ремне» превратился в мирное время в «конторскую мымру», в «шевиотовый, синий, / Наполненный скукой мешок». И единственное, что греет лирического героя, — что когда-то «Сам Ленин был нашим врагом!». Однако и революция исчерпала свою силу. Вслед за Блоком, с горечью обнаружившим, что «музыка революции уходит», Н. пишет: «Родина! Я уважаю революцию, / Как всякое через, над и за, / Но в вашем сердце уже не бьются, / Уже не вздрагивают ее глаза». Пошлость и скука наступают в мире. Вот почему у лирического героя-романтика «сердце все в слезах / От злости, одиночества и муки».

Идеи и образы стихотворных сб. перекликаются с прозой писателя. Н. восхищается полковником Афониним из одноименного рассказа, молившим Бога не о сохранении своей жизни, а о родине и солдатах. Драматично звучит финал рассказа, когда в революционном Иркутске спасенный когда-то Афониним немец узнал героя и слезно благодарил его за себя и за др. солдат, «а русские солдаты, изуродованные революцией, стояли рядом и сплевывали на боевую шинель генерала подсолнечную шелуху».

Прекрасна, хотя и трагична, судьба другого русского человека, Андрея Петровича, сохранившего любовь к флотским офицерам и попытавшегося спасти от влияния революционеров-террористов девушку-учительницу («**Страшная ночь Андрея Петровича**»).

Находит развитие в прозе писателя и тема любви, очень скупой, но все же заявленная в его поэзии. Если в стих. «**Интервенты**» жажда любви объединила солдат разных национальностей: «Каждый хочет любить, и солдат, и моряк, / Каждый хочет иметь и не-

весту, и друга», то в рассказе «**Le Sourire**» («Улыбка») бесхитростные строки женских объявлений во французской газ. вдохновили «четыре мужчин, измученных блужданиями по тайге, исчерпавших все запасы мужества», собрать силы и спастись. А в новелле «**По следам любви**» разворачивается сначала картина платонической, сугубо русской по накалу и чистоте страстей любви, а затем не менее сложная психологическая драма мужчины, любящего свою жену.

2 последние книги стихов Н. («Полуста-нок» и особенно «Белая флотилия») свидетельствуют об усилении в творчестве писателя религиозной проблематики.

Ощущение присутствия «над миром, над всем, что существует, живет, дышит,— еще чего-то страшного, не считающегося ни с волей, ни с желаниями живущих», постигшее героя рассказа «**За рекою**», приводит Степана Петровича к обращению за помощью к Богу.

Усиливается неприятие войны. Романтические образы наполняются противоположным содержанием: елочка, прилетевшая в окоп к герою, оказывается «в теплой человеческой крови» («**Подарок**»), торжествующие победу над вражеским крейсером подводники-герои становятся сами жертвами войны («**Эпизод**»). Тема гибели на войне соединяется с темой Бога.

В развращенном Риме (в «Белой флотилии») поэт активно использует античные образы) уже присутствует предчувствие новой жизни, воскресения.

Героика сменяется спокойным повседневным преданием себя течению жизни («**Батриче**»). Не столько смелость и героизм, сколько доброту и заботу о людях ставит теперь Н. во главу угла («**Касьян и Микола**», «**Сотник Юлий**»).

Революция 1917 («**В этот день**»), гибель царской семьи («**Цареубийцы**»), грабежи атаманских банд («**Божий гнев**») воспринимаются писателем как завершение «некоего давнего кровавого пути», как наказание за «посев сытых ханжеств, вековое зло», как наказание за бездействие.

Вся поэзия А. Несмелова посвящена трагической судьбе русской эмиграции. С одной стороны, поэт осознает ее как носительницу подлинной русской культуры, утраченной на родине («**Великим постом**»), с другой — не может не видеть и мучительно не переживать, что старшая эмиграция вымирает, а молодняк теряет русские корни («**Пять рукопожатий**», «**Ламоза**», «**Стихи о Харбине**», «**Стихи в письме**», «**Кончина**», «**Уезжаю-**

щий в Африку или...»). Стих. «Ламоза» посвящено трагической судьбе русского юноши, выросшего в китайской семье, но подсознательно чувствующего свои национальные истоки.

В позднем творчестве Н. усиливаются эсхатологические образы мира: «надломилась ось» земного бытия, «труба Последнего Суда»; «казненной головою / Трепетал фонарь в кустах», «в глухом окаменении тоски / Живут стареющие россияне», «и осталось только пепелище...», «Холодно, безлюдно. Гаснет зорька, / И вокруг могильна тишина».

Тем более, утверждает Н., значима роль поэта, который (емкий образ!) даже в гибнущей подводной лодке должен не потерять веры, увидеть, «что прекрасно сердце наше», разглядеть божественную сущность человека («**В затонувшей субмарине**»). «Не верить в добро нельзя / Для того, кто еще живет»,— настаивает поэт («**Новогодняя ночь**»).

Худож. мир Н.-поэта в чем-то близок к метафористике любимого им Сергея Есенина, строится на антропоморфизме: «Казалось, солнце, сбросив шляпу, / Трясет кудрями, зной — лузга, / А море, как собака лапу, / Зализывало берега» («**Морские чудеса**»); «Пленной птицей, задрожав от боли, / Сердце задохнется, зазвенит» («Ламоза»). Очеловечиваются не только явления природы, но и все то, чего коснулся человек.

Однако весьма часто метафоры становятся более глобальными, что позволяет судить, что и опыт В. Маяковского не прошел даром для автора «Уступов» и «Кровавого отблеска». Достаточно привести такие образы, как «Маузер — вздор, огромный топор» («**Стихи о револьверах**»), или «кошелек тоски» («**Ожидание**»), или «годы-волны заливают нас с тобой» («**Лодочник**»). Глобально звучат определения «Белая флотилия / Отгремевших бурь»; «И о самое днище жизни / Колотила тобой судьба»; «На осколках планеты / В будущее мчим!» и др.

Н. подвластны все размеры: от классических и наиболее распространенных в его стих. четырехстопных (часто чередующихся с двухстопными) ямбов и хореев, пятистопных амфибрахий и анапестов («**Все чаще и чаще встречаю умерших... О, нет...**», «**На рассвете**» и др.), передающих философские размышления поэта, до редко встречающихся в поэзии XX в. восьмистопных («**Ветер обнял тебя. Ветер легкое платье похитил**», «**Эней и сивилла**») и семи-стопных («**День начался зайчиком, прыгнувшим в наше окно...**»), имитиру-

ющих античный стих. Столь же виртуозно владеет поэт ритмом баллады («Стихи о револьверах», «**Баллада о Даурском бароне**»), трехстопным ямбом с пиррихием в третьей стопе воссоздает ритм «**Русской сказки**».

Лишь кажущейся простой представляется рифмовка поэта. Наряду с точными рифмами, Н. часто и охотно пользуется неточными и сложными: юнгу — берегу, ужас — стужа, художавы — плащавы, нитроглицерин — рыцари, Казанцев — протуберанцы, над и за — глаза, докапали — Каппеля, не знаем — понимаем, ветер — веке и т. д.

Менее активно пользуется поэт звукописью. Наиболее часто употребляет он, как и все поэты Харбина, звучные китайские слова в соединении с русскими, что придает стих. самые различные интонации: от романтических до элегических и даже трагических. Звукопись играет важную роль в любовной лирике Н.

Соч.: Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы / сост. и комм. Е. В. Витковского и А. В. Ревоненко. М., 1990.

Лит.: Иванов Ю. Прошедший все ступени: «Идеологический сюжет» поэзии Арсения Несмелова // Лит. обозрение. 1992. № 5–6; Витковский Е. В. Несмелов // Лит. энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940. Писатели Русского зарубежья. М., 1997; Агеносов В. В. Лит. Russkogo зарубежья. М., 1998.

В. В. Агеносов

НЕСТЕРОВСКИЙ Владимир Мотелевич [19.2.1940, с. Сопич Червоного р-на Сумской обл., Украина — 25.9.2003, Петербург] — поэт.

Отец — партийный работник, мать — учительница. Окончил музыкально-педагогическое училище, но музыкантом не стал. В 1958–63 учительствовал. В 1963–67 учился в Московском педагогическом ин-те по специальности логопед-дефектолог. По окончании был направлен в Тулу. В 1967 приехал в Ленинград. Работал в конструкторском бюро, кочегаром, дворником, сторожем, в охране на фабрике.

Стихи пишет с 13 лет. Печатался в ж.: «Шмель», «Простор» (Алма-Ата, 1962–63), «Нева», «Звезда», «Аврора» (Ленинград, все — 1976); в альм. «День поэзии» (1976), «Круг» (1985, оба — Ленинград), «Три гвоздя в копыто Пегаса» (СПб., 1993), Колпица, вып. 2 (1993), вып. 10 (1994, оба — Колпица), а также в самиздатовских ж. «Часы» (1978), «Обводный канал» (1984, оба — Ленинград), в антологии питерского андеграун-

да «У голубой лагуны» (Ньютонвилл, штат Массачусетс. 1980–86. 4 Б; 5 В) и др. изд.

Входил в «Клуб-81», с 1991 — член СП России.

Поэзия Н. отражает основную общественную позицию автора — отщепенство: «Исключительность Нестеровского уникальна своими постоянными исключениями: из пионеров, из комсомола, из „Клуба-81“, <...> Да, наверное, и вся витальная действительность Нестеровского — это одно сплошное исключение из правил» (Лавров В.— С. 137). В связи с этим даже по отношению к самому себе: «Мерцаю слабеньким наброском / И рву с собою — Нестеровским» (**Снег // Алфавит города**. С. 78), «Безроден буду, как Гаврош» (**Черная распродажа // Там же**. С. 88), «Живу из прошлого отправлен, / А в настоящем не получен» (**Грамота // Там же**. С. 144).

Нередко намеченной поэтической фронде Н. следовал и в жизненном поведении, по поводу чего его собрат по перу отмечает: «Он был истинный поэт, поэт по нутру и сути <...>, несмотря ни на что и особенно на свои — порой несуразные выхлопы» (Горбовский Г.— С. 2). К такому относится, в частности, случай с распусканием слуха о собственных похоронах с последующей пьянкой в кругу собравшихся попрощаться друзей и приятелей. Связан с этим и отказ воспринимать мир в его устойчивости, равновесии и гармонии: «Не отрекаюсь от своих ошибок. / Пусть будет мир мой неустойчив, зыбок — / С простой зубной неустойчиво болью / И ранами, посыпанными солью» (**Линия жизни // Там же**. С. 116).

Психологической доминантой лирики Н. чаще всего выступают сарказм, язвительность, пароксизм (последнему посвящен большой цикл стих. 1994), выплескивающиеся даже во внешний мир: «саркастичные сны», «Пьяный воздух крепчайшего яда / Затаен в горизонта улыбке» (**Судак // Там же**. С. 160).

Мир поэзии Н. представляет собой изнанку парадного советского официоза, прежде всего жизнь коммуналки, «сумятицу квартиры городской»: «О проклятая жизнь коммуналки,— / Ты — геенна, гестапо, тюрьма» (**Коммуналка // Травинка грусти**. С. 75). Подвергаются атакам авторских пароксизмов даже лит. «святыни»: «Не люблю я старух обнаженных, / И купаться мне там не годится, / Где писателей сытые жены / Окунают свои ягоды» (**Коктебель // Колпица**. Вып. 2. С. 19).

Та же печать ущербности лежит и на героях Н., о чем свидетельствуют уже сами назва-